

Отмечу некоторые недостатки и упущения этой в целом хорошей книги: 1) сопоставление с аналогичными или близкими русскими песнями не проводится систематически; например, песни солдатские дают в этом отношении благодарный материал (см. стр. 86, 94—95). То же можно отметить в отношении некоторых других песен; 2) анализ композиционных и стилистических средств дается одновременно с раскрытием идейно-художественного содержания, что, конечно, хорошо, но не всегда подводятся общий итог, поэтому у читателя не остается четких представлений о разных способах построения отдельных групп песен, о разных художественных системах; 3) ряд возникающих в связи с материалом вопросов остается без ответа: одинаково ли строятся близкие по теме песни, не бывает ли, что песни, разные по теме, построены однотипно.

Все эти замечания, однако, имеют частный характер и не снижают общего благоприятного впечатления от книги.

В послевоенные годы советская фольклористика все более и более обогащается исследованиями обобщающего характера на русском языке, посвященными фольклору разных народов СССР. Одни из этих работ раскрывают общий состав и идейно-художественное содержание фольклора той или иной народности, другие изучают отдельные, особо значительные его части. Такие работы, кроме их большого непосредственно познавательного значения, создают возможность более углубленно, на широком сравнительном материале ставить и освещать важнейшие проблемы теории и истории фольклора. В ряду обобщающих работ по национальному фольклору, таких, как фундаментальная книга А. Н. Маскаева «Мордовская эпическая песня», очерк Н. О. Шаракшиновой «Бурятский фольклор», книги А. К. Микушева «Песенное творчество народа коми» и У. С. Конька «Карельская сатирическая сказка», как работы З. Н. Куприяновой о ненецком фольклоре и М. Г. Воскобойникова об эвенкийском и многие другие, свое заметное место займут и рецензируемые книги М. Я. Сироткина и И. И. Одюкова.

А. Астахова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

ЦЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ СИСТЕМ РОДСТВА

Го Мин-кунь. *Исследование семейной организации и языка китайцев* (на японском языке). Токио, 1964, 564 стр.

Проблема эволюции систем родства и их исторической обусловленности определенными формами социальных отношений до сих пор не может считаться решенной во всех деталях. Усилиями исследователей ряда стран было убедительно показано, что терминология родства турано-ганованского типа является древнейшей системой, отражающей экзогамную родовую организацию; малайская же система, которую Л.-Г. Морган считал наиболее примитивной, в действительности представляет собой результат упрощения турано-ганованской номенклатуры и возникает по мере разложения родовой организации. Однако известно, что типично малайские (или, как их называют также, гавайские) системы не имеют универсального распространения. Другими словами, у различных народов мира наблюдается значительное разнообразие вторичных форм терминологии родства, приходящих на смену турано-ганованскому типу. К числу таких вторичных систем относится и крайне недостаточно изученная в теоретическом плане номенклатура, которую Р. Лоуи предложил называть «коллатерально-раздвоенным» типом¹. Рецензируемая книга посвящена в основном исследованию системы именно этого типа, взятого в ее историческом контексте, на примере развития терминологии родства китайцев.

По поводу того, к какому типу следует отнести китайскую систему родства, в литературе высказывались весьма противоречивые мнения: Л.-Г. Морган характеризовал ее как принадлежащую к числу систем турано-ганованского типа, указав, однако, что некоторые ее черты родственны малайским системам²; Р. Лоуи относил китайскую но-

¹ Как известно, в отличие от Моргана, различавшего описательные и классификационные системы родства (последние — в двух вариантах: малайском и турано-ганованском), Лоуи придерживался классификации систем родства по четырем типам: 1 — Generation Type (соответствует малайскому типу); 2 — Bifurcate Merging Type (соответствует турано-ганованскому типу); 3 — Bifurcate Collateral Type (характеризуется разграничением линий отца и матери, а также братьев и сестер отца и матери от отца и матери); 4 — Lineal Type (соответствует «описательному» типу).

² L.-H. Morgan, *Systems of Consanguinity and Affinity of Human Family*, Washington, 1871, стр. 432.

менклатуру родства к первому или второму типу по своей классификации³; А. Крёбер — к третьему типу⁴; Г. Вилкинсон же считал, что китайские термины имеют не классификационный (как полагал Морган), а описательный характер⁵. Однако все эти авторы рассматривали китайскую систему родства статично, без учета ее исторической эволюции, и поэтому нельзя полностью согласиться ни с одной из высказанных точек зрения. Правильная характеристика китайской системы родства может быть дана лишь при условии конкретно-исторического анализа ее особенностей во всех последовательных этапах ее развития. В этом отношении китайская система представляет весьма благодарный объект исследования, так как существование в Китае длительной, насчитывающей более трех тысячелетий письменной традиции позволяет реконструировать закономерность развития системы родства не гипотетически, а на основании хорошо датированных исторических документов. Поэтому совершенно прав автор рецензируемой книги, когда он утверждает, что установление исторических изменений в системе родства китайцев открывает широкие перспективы для теоретического осмысления истории систем родства (стр. 230). Задача его исследования как раз и заключалась прежде всего в документально обоснованной реконструкции исторического развития древнекитайской номенклатуры родства.

Книга Го Мин-куня представляет собой сборник его статей, опубликованных в разное время в японской периодической печати⁶. Центральное место среди них занимают пять самостоятельных этюдов, в которых автор проследивает эволюцию основных групп терминов в номенклатуре родства китайцев. Изменения семантики терминов рассматриваются с различных точек зрения: не только в отношении трансформации самого содержания отношений родства между именуемым и именуемым, но и с учетом изменения состава именуемых и именуемых по признаку пола. Одним из наиболее ярких примеров плодотворности такого подхода к историческим изменениям в терминологии родства является анализ терминов *шэн* (совр. «дети сестры») и *чжи* (совр. «дети брата»). Рассматривая эти термины, употреблявшиеся для обозначения коллатеральных родственников в первом нисходящем поколении, Го Мин-кунь устанавливает, что первоначально словом *шэн* назывался сын сестры (говорит мужчина), а *чжи* — дочь брата (говорит женщина). Этим объяснялось, в частности, то обстоятельство, что слово *шэн* записывалось иероглифом с детерминативом «мужчина», а *чжи* — с детерминативом «женщина». Однако на втором этапе развития данных терминов пол именуемого утрачивает свое значение, хотя строгая регламентация пола именуемого полностью сохраняется: термин *шэн* начинает употребляться для обозначения не только сына, но и дочери брата (говорит мужчина), *чжи* — как дочери, так и сына брата (говорит женщина). Такое расширение состава именуемых представляет собой, по мнению автора, генерализацию термина — результат постепенного отмирания специфических отношений, связывающих ранее мужчину с сыновьями его сестер, а женщину — с дочерьми ее братьев. Наконец, начинается третий этап развития терминов *шэн* и *чжи*, нашедший свое выражение в расширении состава именуемых. Слово *шэн* приобретает значение «сын (или дочь) сестры», *чжи* — «сын (или дочь) брата», в обоих случаях вне зависимости от пола говорящего. Это последнее изменение содержания терминов может быть датировано последними веками до н. э. Оно рассматривается автором как одно из проявлений превращения более ранней системы, имевшей турано-ганованские черты, в номенклатуру «коллатерально-раздвоенного» типа (стр. 248).

Та же закономерность проследивается и в результате анализа эволюции терминов, служивших для обозначения прямых и коллатеральных родственников в первом восходящем поколении. Если в древнейших письменных памятниках чжоуской эпохи братья отца терминологически не отличаются от отца, а сестры матери — от матери, то уже в середине первого тыс. до н. э. братья отца начинают обозначаться специальными терминами, образованными от слова «отец» с добавлением детерминирующих определений «старший» (*бо*), «младший» (*шу*). Наконец, в первых веках н. э. *бо* и *шу* начинают употребляться как самостоятельные термины для обозначения старшего и младшего брата отца, окончательно утрачивая следы номенклатуры турано-ганованского типа. Аналогичный процесс происходит и с терминами для обозначения сестер матери (стр. 160). Вместе с тем, первоначальное разграничение родственников в пер-

³ R Lowie, Relationship Terms, in: Encyclopaedia Britannica, 12-th ed., 1922.

⁴ A. L. Kroeber, Process in the Chinese Kinship System, «American Anthropologist», N. S., vol. 35, 1933, No. 1, стр. 155.

⁵ H. Wilkinson, The Family in Classical China, Shanghai, 1926, стр. 206.

⁶ Малодоступность этих изданий явилась причиной того, что работы Го Мин-куня не были учтены ни в капитальной работе Д. А. Ольдерогге (Д. А. Ольдерогге, Малайская система родства, сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии, нов. сер., т. XIV), ни в специальном исследовании по истории китайской системы родства Фэн Хань-цзи: Feng Han-yi, The Chinese Kinship System, Cambridge (Mass.), 1948.

вом восходящем поколении по линии отца и матери (брат отца отличается от брата матери, сестра отца — от сестры матери) сохраняется на всем протяжении последующей истории. Однако это не означает, что содержание соответствующих терминов осталось без изменений: первоначально слово *цзю* служило для обозначения не только брата матери, но и отца мужа, а *гу* — как сестры отца, так и матери мужа. Позднее совпадение в одном термине отношений родства и свойства прекращается и для обозначения родителей мужа появляются особые термины (стр. 210).

Го Мин-кунь неоднократно подчеркивает, что эти изменения в номенклатуре в системе родства китайцев являются отражением радикальных сдвигов в социальной организации и формах брачных отношений в обществе. Отмечая заслугу Р. Лоуи, впервые выделившего «коллатерально-раздвоенный» тип систем родства, автор в то же время показывает, что пример эволюции китайской системы родства не позволяет согласиться с мнением Лоуи об историческом соотношении систем родства различных типов. Если Лоуи полагал, что турано-ганованская («коллатерально-слившаяся») система родства возникает из «коллатерально-раздвоенной», то конкретный исторический материал по развитию китайской родственной терминологии говорит об обратной последовательности этих типов: на смену турано-ганованской системе, существовавшей в Китае в чжоуское время, приходит во второй половине первого тыс. до н. э. «коллатерально-раздвоенная» номенклатура (стр. 245). Формирование этой поздней системы родства автор связывает с возникновением нового типа социальной организации — *цзунцзю*, или внутренне стратифицированной группы больших семей (стр. 266).

Этот вывод Го Мин-куня представляется в высшей степени интересным и перспективным. Древнекитайские *цзунцзю* обнаруживают существенное сходство с формами социальной организации, существовавшими в Полинезии накануне европейского вторжения. Пожалуй, единственное различие между древнекитайскими *цзунцзю* и организацией типа гавайской *охана* является то, что последняя неэкзогамна, тогда как в *цзунцзю* экзогамия составляет одну из основных черт организации. По-видимому, этим обстоятельством и можно объяснить тот факт, что сходные формы социальной организации породили в одном случае (Полинезия) гавайскую систему родства, в другом (Китай) — систему «коллатерально-раздвоенного» типа. И хотя это предположение требует дальнейшей проверки на более широком этнографическом материале, факты, собранные и интерпретированные Го Мин-кунем, заслуживают самого пристального внимания.

Следует отметить также ряд других ценных наблюдений и выводов Го Мин-куня. Он, в частности, показывает, что помимо различий между терминами родства, употребляющимися при непосредственном обращении и применительно к третьему лицу⁷, при анализе китайской номенклатуры следует учитывать существование особых «письменных» терминов, не всегда совпадающих с разговорными. Пренебрежение этим правилом явилось причиной некоторых ошибочных суждений о китайской системе родства, высказанных Крёбером (стр. 278). Рассматривая систему родства как отражение социальных отношений в обществе, Го Мин-кунь вместе с тем подчеркивает, что сами по себе термины родства представляют собой языковое явление, и поэтому нельзя изучать эволюцию родственной номенклатуры, не учитывая при этом закономерности развития языка. В этом отношении заслуживает внимания предположение автора о том, что термин *шэнь* (жена дяди по отцу, древнее чтение — *shim*), возник как фонетический вариант более раннего *шуму* (древнее чтение — *shiuuk mu*).

Не все равноценно в исследовании Го Мин-куня. Жаль, что он совершенно не использовал древнейшие памятники китайской письменности (гадательные надписи иньской эпохи), позволяющие сделать еще один шаг в глубь истории древнекитайской системы родства⁸. Некоторые частные положения автора кажутся недостаточно убедительными; но главное в его исследовании — это сделанные на основании тщательного анализа многочисленных письменных источников выводы о конкретных путях развития системы родства китайцев и попытка объяснить его с точки зрения эволюции социальной организации общества. Эти выводы представят интерес не только для историков и этнографов-китаистов, но и для всех интересующихся теоретическими вопросами изучения систем родства.

М. Крюков

⁷ На необходимость проведения такого разграничения впервые указал еще У. Риверс.

⁸ См. М. В. Крюков, Древнекитайская система родства и вопрос о приоритете систем турано-ганованского типа, М., 1964.